

«Мне других не надо»

3 апреля 2024

Денис спал в машине под стеной колонии, где сидела его девушка, женился на ней за решёткой и ждал шесть лет, а потом оказался на грани расставания в первый год совместной жизни на воле. Юрий десять лет переписывался с девушкой в соцсетях, но впервые увидел её за стеклом в комнате краткосрочных свиданий. Алексей остался один с больной бабушкой и 25 собаками, когда его жену посадили. Журналистка Мария Семёнова специально для «Новой вкладки» рассказывает истории пар, в которых женщины попали в колонию из-за наркотиков, а мужчины решили их ждать.

Материал подготовлен вместе с ателье «Знаки препинания»

Глава первая. Денис

«Живи со мной — приставать не буду»

Денис — сын водителя и сам с двадцати лет за рулём. Первый раз рано женился — в 19 лет, в 20 стал отцом. Дома появлялся редко из-за постоянных рейсов, жене это не нравилось. Через пять лет они развелись. Отношения с женщинами не складывались, Денис тяготился одиночеством.

В начале 2017 года 30-летний Денис вернулся к себе домой в Башкортостан после полугода работы на Севере. Зашёл поздороваться к старому знакомому в автосервис. Вместе с приятелем там была его жена и сестра жены, 26-летняя Элла (имя изменено по просьбе героини). Вечером компания собиралась жарить шашлыки, пригласили и Дениса. Элла рассказала, что у неё сейчас сложности с жильём, и Денис внезапно предложил: «Живи со мной, не бойся: приставать не буду».

— Скучно мне было, потому что я один давно. Постоянно один-один, за рулём один, везде один, короче, один-один-один, — объясняет Денис, почему предложил практически незнакомой девушке переехать к нему. И признаётся, что в глубине души он рассчитывал, что у них случится роман.

Чтобы навещать Элли в колонии в другом регионе, Денис каждый раз брал в аренду легковой автомобиль

— Симпатичный высокий парень, он мне сразу понравился. Плюс разговаривал с юмором, — говорит Элла.

Денис выделил Элле отдельную спальню, и они начали жить как соседи. Прошло две-три недели, и их отношения начали меняться. «Жили не прям как пара, но типа того. Ещё такого серьёзного ничего не было. Начиналось там чего-то», — пытается объяснить Денис. Так же говорит и Элла: «Ну, так... Наверное, что-то было. Неопределённо».

«По-моему, обойный клей»

Толком сблизиться как пара Денис и Элла не успели. Через месяц после их знакомства Элли арестовали.

Согласно приговору суда, Элла попыталась продать 217 граммов наркотика, известного в народе как [«соль»](#), за 30 тысяч рублей. Ещё 228 граммов нашли у неё в кармане куртки: Элли задержали через две минуты после продажи —

покупатель был участником проверочной закупки.

Сама Элла говорит, что продавать наркотики её вынудили. До того как переехать к Денису, она жила с другим мужчиной — недолго, три месяца. Однажды пришла домой на съёмную квартиру и обнаружила, что его нет, телефон недоступен, а дома страшный бардак. Элла не волновалась за парня, только разозлилась. Позвала друга Диму (имя изменено) помочь.

— Пока убиралась, нашла порошок. Открыла, принялась, от него пахло обойным клеем, — вспоминает Элла.

Приятель объяснил, что это наркотики, и забрал пакет себе, Элла была не против. После этого Дима пропал примерно на месяц, а потом сообщил: «Тебе позвонит сейчас человек по имени Рамзес».

— Этот Рамзес звонит, в грубой форме меня вызывает на встречу. Я поехала, потому что боялась, что будет хуже. Он мне говорит: «Дима начал продавать, связался с нехорошими людьми, на него надавили, спросили, у кого взял, он тебя сдал. Если дело до конца не доделать, то пострадает он, ты, твоя семья, его семья». Я, конечно, чувствовала, что что-то не так. И на меня давили очень сильно. Получается, в назначенное время я пошла, передала всё это. Мне дали деньги. Я говорю: «Мне не надо». Ну, я видела, что это новые купюры, прям новые-новые были. Говорят: «Забери». Я взяла, вот меня там же в подъезде и приняли. И доложили ещё сверху вес, — говорит Элла.

Она уже жила с Денисом, когда попыталась продать наркотики, но об истории с «обойным клеем» и угрозами он узнал только постфактум.

Эллу обвинили в покушении на сбыт наркотиков в особо крупном размере. Пока шли следствие и суд, она была под домашним арестом, для этого пришлось переехать к маме, по месту прописки. Туда же переехал и Денис, с этого момента они стали считать себя парой.

Денис говорит, что решил познакомиться с Эллой, потому что устал от одиночества

В приговоре суда сказано, что Элла полностью признала вину. Как говорит она сама, её убедил это сделать адвокат и при этом обещал, что удастся отделаться условным сроком.

— Мы очень большие деньги ему заплатили. Я ему верила, конечно. Адвокат, по крайней мере, должен был подготовить к тому, что посадят по-любому. Вот и всё, — говорит Элла.

Её приговорили к семи с половиной годам лишения свободы.

«Можешь полежать, будто я тебя ударила?»

Элла оказалась в колонии Мордовии, за тысячу с лишним километров от дома. Девушка говорит, что только через четыре месяца поняла, что это происходит по-настоящему и с ней: она действительно в заключении, и это надолго. По её словам, в колонии были очень жёсткие условия — поспать удавалось только несколько часов в сутки.

— У нас была ночная смена на швейной фабрике до семи утра. Там давалось три дня на обучение, и через три дня я уже должна делать то, что, допустим, делает опытная швея уже пять лет подряд. В семь утра мы шли завтракать, после завтрака на хозработы: либо долбили лёд, либо убирали снег, либо приезжала какая-нибудь машина, и её нужно было разгрузить, — говорит Элла.

Она рассказывает, что один раз заключённые заставили её бить новенькую, которая слишком медленно шила.

— Мне пришлось встать, взять её за руку, отвести в бендешку (это небольшое помещение, где хранится продукция, там даже табличка такая висела — «Бендешка»). Я говорю: «Можешь полежать, будто бы я тебя ударила? И шей, пожалуйста, побыстрее». Ну, в итоге, короче, дверь открывается, они меня оттуда вытаскивают и толпой просто наваливаются на неё. Я уже ничего не могла сделать, — рассказывает Элла.

Денис постоянно пил и почти не работал первые полгода заключения Эллы. У него была своя грузовая машина, нанятый им водитель доставлял грузы,

пока сам Денис, по его словам, «горе водкой заливал».

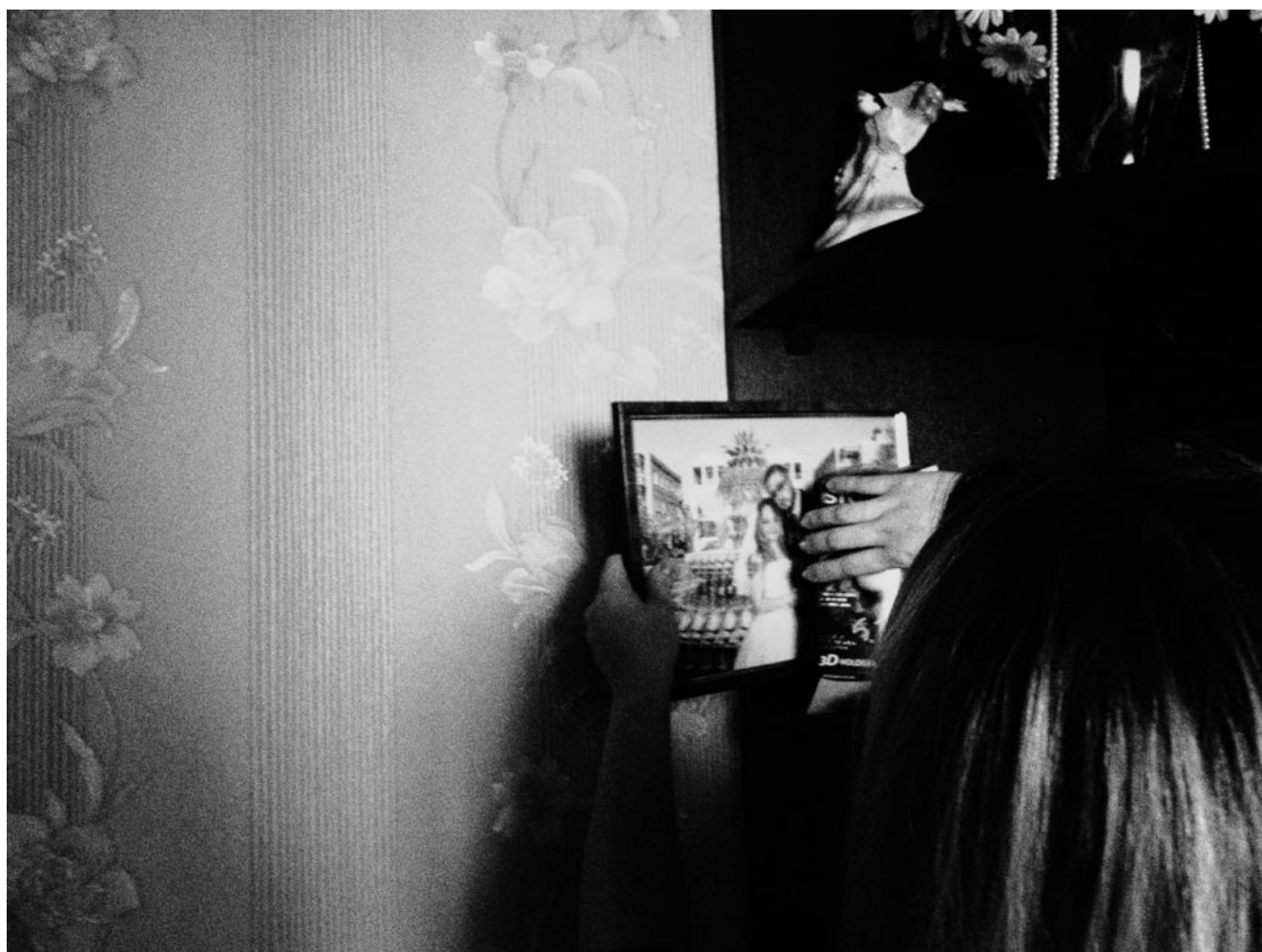
«Не приезжай, не мучай себя»

Элла попала в колонию в ноябре 2017-го, а в декабре Денис приехал к ней первый раз на краткосрочное свидание.

— Я очень, конечно, удивилась, что вообще он приехал. Я тогда ему сказала: «Не приезжай, не надо, не мучай себя». Он мне показал кулак, говорит: «Ещё раз такое скажешь — получишь у меня», — вспоминает Элла.

Ещё через месяц или два Денис приехал в колонию вместе с мамой Эллы в надежде вместе с ней попасть на длительное свидание к девушке, но его не пустили. Денис уехал в гостиницу, но понял, что ему там не по себе:

— Поехал к колонии. Трое суток в машине тусовался, спал там, обедать куда-то в кафе ездил. Мне как-то было проще понимать, что она где-то рядом, может, в ста метрах. И вот сидел так, ждал тещу, пока она выйдет с длительного свидания.

Элла удивилась, когда Денис приехал к ней в колонию: думала, после ареста он её оставит

Денис сразу решил, что будет с Эллой до конца. Весной 2018 года они подали заявление в ЗАГС, чтобы иметь право на длительные свидания. В мае поженились. Элла говорит, до последнего боялась, что Денис передумает и не приедет. Торжественности момента оба не ощутили, но были рады, что теперь им доступны трёхдневные свидания.

— Первые два дня всё было хорошо. На третий уже понимаешь, что это последний день. Было очень тяжело, очень много слёз, особенно первое время, — вспоминает Элла.

Комнаты для длительных свиданий в колонии, где она отбывала срок, находятся в административном корпусе. Всего их три, есть общая кухня и комната отдыха. Однажды зимой в комнате, где разместились Денис с Эллой, сломалась система отопления. Они лежали, закутавшись в одеяло, изо рта шёл пар.

— Условия очень плохие в Мордовии, очень, — вспоминает Денис. — Один раз

мы даже крысу видели, размером с кошку. А приходилось всегда писать отзывы, что там всё хорошо и прекрасно, потому что её могли наказать, если бы я жаловался.

«Опять ты?»

Денис не пропускал ни одной возможности приехать: в год заключённые в колонии общего режима имеют право на шесть краткосрочных и четыре длительных свидания.

— Меня там уже в колонии все знали, говорят: «Ты же только был, опять ты?» Я и на короткие свиданки ездил, и на длительные, и когда был день открытых дверей, тоже ездил, — перечисляет Денис. В то время у него не было легковой машины — только грузовик, на котором он работал, так что Денис каждый раз брал в аренду легковушку, чтобы проехать больше тысячи километров до Эллы.

Он даже хотел бросить грузоперевозки и устроиться на работу в мужскую колонию рядом с той, где сидела жена.

— Меня уже с руками и ногами хотели брать. Потом я думаю: «А что я там заработаю, как я ей помогу?» Там копейки платят. Нет, надо ей посылки, надо адвокатов, надо то, надо это. Суды были на облегчённые условия, на перевод в колонию-поселение. У меня один раз даже два адвоката работали — думал, так мощнее, думал, что продавится это всё. Ничего не продавилось. На Мордовию давить бесполезно, — констатирует он.

Только через пять лет удалось добиться перевода ближе к дому, в Оренбургскую область. Это от Дениса было «всего» в 500 километрах. В той колонии, по воспоминаниям супругов, условия были лучше и обращались с заключёнными более уважительно.

Элла освободилась по УДО через шесть лет. Эти годы Денис был один, даже с друзьями общался мало — только работал практически без выходных, чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, и считал дни до возвращения жены.

— Гулять не ходил, ни в кафе, никуда. Совесть не позволяла. Даже Новый год не отмечал. Я вообще забивал на эти праздники: день прошёл — и ладно. Для меня главное, чтобы день прошёл. Чтобы она была быстрее дома, — объясняет он.

Элла говорит, что при ней в колонии было две свадьбы, а большинство мужчин исчезают если не сразу после приговора, то через некоторое время: «Вначале начинают ждать, а полсрока проходит — и он уже трубку не берёт, перестаёт писать письма и так далее».

По словам Дениса, он практически не встречал других ждущих мужчин: «С одним как-то я общался, ну он мне хрень всякую советовал. Найдёшь себе, говорит, другую бабу, пока ждёшь. Он по каким-то девахам бегал, короче. Я по-другому ждал».

«Мне было очень страшно, я думала, не выйду»

— Нас было несколько человек, мы стояли возле дежурной части, откуда нас выводили. Мне казалось, что сейчас мне скажут: «Разворачивайся, суд отказал в УДО», — вспоминает Элла последние минуты перед своим освобождением. Денис, конечно, её встречал. У обоих был «в голове ураган», ощущение, будто это происходит не с ними.

Денис замечает, что у жены была долгая адаптация, первое время она не хотела выходить из дома, «людей шугалась». Элла рассказывает, что выходила только в кепке: не хотела, чтобы её узнавали знакомые на улице.

— Ну, сейчас живём как бы нормально, но психика у неё подшаталась. Она нервная стала очень, — признаётся Денис. — Да, бывают крики, да, бывает, срывается на ровном месте. Колония дала о себе знать. Но миримся быстро, забываем об этом быстро, как будто не ругались.

Денис ждал Эллу шесть лет, но теперь не уверен, что у них всё сложится. До заключения Элла отучилась на парикмахера, но сейчас зарабатывает на жизнь шитьём, изготавливает домики и лежанки для кошек и собак, хотя

до колонии шить не умела совсем.

— После всего этого в своём кругу общения я оставила очень мало людей — это Денис и мои родные. Ближе этих людей никого нет. Остальные били себя в грудь: «Мы тебе будем писать, мы тебя будем поддерживать». Но это были пустые слова, — признаёт Элла.

Сейчас в отношениях Дениса и Эллы неопределённость. Что произошло, он говорить не хочет. Поясняет только, что дело в Элле и её поступках. Он не знает, будут ли они вместе.

Глава вторая. Алексей

«Мы были не в том состоянии, чтобы чего-то бояться»

Алексей с Верой росли в Перми в соседних дворах, общались с юности: когда познакомились, ему было 21, ей 16. Встречались и расставались, после вспышки чувств их отношения могли оборваться на несколько лет, а потом всё начиналось заново. Алексей с 16 лет употреблял наркотики, из-за этого они с Верой часто ссорились: «Я не хотел завязывать, не мог, думал, это моя жизнь».

В 2000 году 23-летний Алексей узнал, что у него ВИЧ. «Вообще гоните, этот СПИД только в Африке! Не может быть такого!» — вспоминает он свою первую реакцию.

С 2008 года Алексей и Вера стали жить вместе. Спустя два года, когда ему было 33, а ей 28, поженились — тоже отчасти из-за наркотиков. Согласно материалам суда, Алексей купил 1,7 грамма героина для своего знакомого. Тот оказался участником проверочной закупки, Алексея и продавшего ему героин дилера задержали. Когда шёл суд, Вера спросила: «Кто к тебе будет ездить?» «Так никто», — ответил Алексей, и Вера предложила расписаться, чтобы её пускали к нему на длительные свидания. До этого, правда, дело не дошло: Алексею дали год условно. Но разводиться уже не стали.

Вера рассказывала Алексею, что несколько раз употребляла наркотики с бывшим мужем: за время, что они встречались и расставались, Вера успела

пробыть два года в браке и развестись. Но, как говорит Алексей, Вера «на системе не сидела», то есть не употребляла систематически, постоянно. «На систему» Вера села, когда стала жить с Алексеем.

Алексей передал Вере ВИЧ — антиретровирусную терапию он первые 12 лет жизни с диагнозом не принимал. Сперва они с женой пытались соблюдать правила безопасности: кололись строго разными шприцами, секс — только с презервативом. А потом, в 2010 году, вместо героина стали употреблять «соль». По словам Алексея, на «соли» у человека становится «невменяемое состояние».

Некоторые виды «соли» тогда назывались «легалкой», потому что ещё не были внесены в перечень наркотических средств. В Перми, где жил Алексей, «легалку» можно было купить в ларьке на центральном рынке. Алексей в то время жил с матерью и Верой в двухкомнатной квартире, там же и употреблял. Работать перестал, деньги на наркотики доставал где придётся: «Где наркоманы деньги берут? Везде. Воровали. Или кто-то приезжает, точек не знает — беру для него и себе отсыплю».

«Решил самоубийством жизнь покончить»

В 2012 году Вера сказала: «Я уже так не могу, я хочу жить, я поеду в центр». Она уехала на реабилитацию, Алексей остался.

— Меня совсем оборвало. Сидел дома обколотый, понял, что менты квартиру пришли захватывать, — галлюцинации были. Я сдаваться не хотел. Не помню уже, что было в голове: решил самоубийством жизнь покончить, пока они в квартиру не ворвались. Взял, живот себе вскрыл, кишки выпали на пол. В реанимации неделю пролежал без сознания, всё зашили, обратно вставили, — описывает Алексей.

Когда он после лечения смог вернуться к обычной жизни — и привычному употреблению, «легалка» перестала быть легальной, знакомые точки закрылись. Работы и денег не было. И тогда Алексею позвонил друг: «Можно на 150 рублей нормально умотаться [„крокодилом“](#)». Алексей ответил: «Ты что — дурак? С него умирают, до костей гнойники, очень всё плохо».

И хотя про последствия употребления «крокодила» он знал, но колоться начал всё равно. Звонил Вере в реабилитационный центр, говорил, что у него всё хорошо, устроился на работу. А потом она вернулась домой внезапно, без предупреждения. Открыла дверь — и всё поняла с порога.

— Я как раз только сварил, всё это на подоконнике разложил, и она зашла. В хате вонь, там же йод используется для варки. Он ещё в стены впитывается, они становятся такого желтоватого цвета. Она на квартиру посмотрела — офигела. Говорит: «Мне такой инвалид не нужен, ты чего меня обманывал? Если хочешь, восстанавливайся, я всё устрою, тоже уедешь в центр. Если не хочешь, расходимся». Я посидел, подумал: терять-то нечего, съезжу, отдохну, подлечусь.

«Она сильно не кололась, когда я дома был»

После реабилитации Алексей и Вера несколько лет не употребляли, он устроился сварщиком на завод. В 2016 году у Веры заболела бабушка, и, чтобы за ней ухаживать, она с мужем переехала в посёлок в ста километрах от города: «Деревня, трёхэтажки стоят несколько штук, остальное — частный сектор, и среди этого частного сектора — завод». Алексей сначала

ездил на работу в Пермь, потом устроился на завод в посёлке, полюбил деревенскую жизнь.

На участке возле бабушкиного дома Вера открыла приют для собак. Она всегда любила животных: раньше по выходным приезжала как волонтер в пермский приют, гуляла там с собаками, чистила клетки. Средства на свой приют собирала в соцсетях, администрация обещала выделить землю под расширение, местный депутат регулярно помогал деньгами, в районной газете вышла хвалебная статья... А в 2018 году Вера внезапно не пришла домой вечером, потом позвонила Алексею среди ночи: «Меня задержали с героином». Ей дали три года условно.

— Это было разочарование, чуть не развелись, ругались. Но я сам 18 лет на игле просидел и остановился, надеялся, она тоже сможет, — говорит Алексей.

Полтора года после этого жили как раньше. Казалось, это был единичный срыв. Уже потом Алексей узнает, что Вера продолжила употреблять тайком: «Она сильно не кололась, когда я дома был, глаза прокапывала: зрачок увеличивается и взгляд как у [нормального](#) человека».

— В один прекрасный день надо было в город съездить, она говорит,

по делам собачьим. Ну, я её частенько возил: по ветеринаркам, или кто-то корм отдаст — надо забрать. Оказалось, приехали на закладку. Она сходила, взяла — и дорогу нам перегородили [полицейские]. Она руку открывает, а у неё там пятёрка героина. Я этот героин взял, давай глотать. Проглотить не смог: комок большой. Мне сломали рёбра, зубы выбили. Героин я потом сплюнул под сиденье, они не заметили. Нас увезли в отдел. Потом при понятых стали машину шмонать, нашли эту пятёрку, — описывает Алексей.

«Думаю, моя вина тоже в этом есть»

В итоге и Алексея, и Веру [судили](#) по 228-й статье. Ему дали три года условно. Ей — четыре с половиной года колонии, так как Вера попалась с закладкой на середине условного срока. Алексей остался в доме с тяжелобольной Вериной бабушкой и 25 собаками.

— Я, когда один с этой стаей остался, чуть не завыл сам. Позвонил её подругам-волонтёрам, правду рассказал, — вспоминает Алексей.

Волонтёры оплатили корм на первое время, а потом пристроили собак из приюта в добрые руки. Алексей оставил пять псов, которых считал своими. Ещё в доме живут четыре кошки.

— Её посадили, меня оборвало маленько. Стал за рулём пьяным кататься. На машине перевернулся. Сейчас прав лишён, в мае должны вернуть, — говорит он.

Алексей надеялся, что Веру выпустят по УДО, но не вышло, хотя он для суда «насобирал бумаг как на Героя Советского Союза». По мнению Алексея, из-за того, что Веру невзлюбила начальница отряда или просто «невыгодно отпускать швей — там крупная фабрика».

Два раза в месяц Алексей отправляет Вере передачи. Говорит, что одна обходится в среднем в семь тысяч рублей.

— Это сами продукты и заплатить тому, кто идёт в магазин и покупает. Сейчас ходит женщина, которая сидела с Верой в одном отряде, освободилась несколько лет назад. 1200 ей платишь, отправляешь список по вайберу, она идёт, покупает всё в «Пятёрочке», выбирает по датам, чтобы было не просроченное, там с этим строго, — описывает он.

Алексей ездит за триста с лишним километров к Вере на три дня каждые три месяца — чаще длительные свидания не дают. Комнаты для встреч находятся на первом этаже административного корпуса: три бесплатные и три платные.

— Одна типа vip: холодильник, телевизор, душ отдельно в комнате. В платных комнатах холодильник, микроволновка, чайник. Остальные бесплатные. Там просто две кровати и вешалка, — говорит Алексей.

По его прикидкам, где-то 10% женщин в колонии ждут мужчины. К большинству же на длительные свидания приезжают родственники.

По словам Алексея, после того как Вера оказалась в колонии, он многое переосмыслил в их отношениях. Сейчас чувствует вину за то, что она вновь начала употреблять.

— Внимания ей мало уделял. Ласки мало было. Захочет сходить в кино — меня ещё уговорить надо. Я встал на её место, когда остался с этой стаей, вообще волосы дыбом встали. Она одна, никто ей не помогает. Я ей говорил: «Это твои собаки, ты этим занимаешься, не я». Вольеры попросила — я сделал, но чашки разнести, говно убирать — помощи от меня не было. Она скажет: «Я сейчас готовить не хочу». А я: «Ты женщина, ты должна в семье готовить». Вот такое было отношение. Борзеть я начал, — вздыхает Алексей. — Думаю, моя вина тоже в этом есть, что начала она колоться.

Алексей говорит, что за четыре года, что он ждёт Веру, у него не было никого, кроме неё: «Я люблю эту женщину, мне других не надо, и по божьим законам это неправильно — смотреть на кого-то противоположного пола с вожделением».

Глава 3. Юрий

«Как часто ты думаешь про Индию?»

В 2014 году 14-летняя Диана (имя изменено) добавилась в друзья во «ВКонтакте» к 21-летнему Юре. Они жили в разных городах, оба считали себя панками.

Следующие шесть лет они время от времени переписывались. Не было ни взрыва чувств, ни острого ощущения душевного родства — обычный трёп. В 2020 году Юрий из Ярославской области переехал в Нижний Новгород, где жила Диана. Хотел написать и предложить встретиться, но увидел в соцсети, что девушка давно не была онлайн. Тогда Юрий стал спрашивать у её знакомых, что случилось. Узнал, что Диану задержали, когда она делала закладку; в кармане куртки у неё нашли пять граммов мефедрона, разложенных по нескольким пакетикам.

Юрий попросил подругу Дианы прислать адрес, по которому ей можно написать, но та забыла об этой просьбе на три года. В итоге он написал Диане только в 2023-м.

На вопрос, думал ли он о ней эти годы и что вообще она значила для него на тот момент, Юрий отвечает:

— Условно говоря, знаешь, есть такая страна Индия? Вот как часто ты думаешь про Индию? Тем не менее бывают какие-то моменты, и ты такой: «А вот в Индии в реке Ганг [сжигают](#) трупы». Вот так иногда вспомнишь про неё и думаешь: «Блин, а вот интересно, скоро Новый год, а вот как у неё там сейчас может быть?»

«А это вообще кто?»

Юрий был уверен, что нельзя стигматизировать заключённых, но понимал, что после трёх лет в заключении Диана может оказаться не тем человеком, с которым он привык переписываться.

— Я считал, что тюрьма очень сильно меняет, люди выходят оттуда со специфическим мировоззрением. Ой, ну вообще есть сложно выговариваемое слово «институционализация». Когда человек, находясь в каком-то определённом социуме, подстраивается под него и впоследствии разделяет систему ценностей этого социума. Люди в тюрьме социализируются под какие-нибудь блатные понятия. Но я понял, что [это] не про неё, — объясняет Юрий.

Как Диана потом расскажет Юрию, она сидела и думала: «Вот бы ко мне кто-то ездил на длительные». В этот момент ей принесли письмо с незнакомым именем на конверте. «А это вообще кто?» — подумала она.

— Ну потому что в интернетах я своё паспортное имя не сильно афиширую. Уже открыв, она поняла, от кого письмо, была очень сильно удивлена, — говорит Юрий.

Потом они созвонились — так Юрий впервые услышал голос Дианы: до этого они только переписывались. В октябре 2023-го он приехал на краткосрочное свидание:

— Это на самом деле очень необычно, что ты знаешь человека почти десять лет и видишь его впервые через стекло в тюрьме, — вспоминает он. — Это просто как будто в кино.

Через месяц после краткосрочного он приехал на длительное: по закону они разрешены только родственникам. Но оказалось, что это решается справкой о совместном проживании: её можно получить у участкового или просто

купить (последнее, конечно, нелегально).

На длительном свидании они уже считали себя парой, это не проговаривалось вслух, просто подразумевалось само собой. Юрий стал подмечать, что в их разговорах проскальзывают какие-то планы на будущее уже на воле:

— Не было такого момента, чтобы что-то щёлкнуло. Скорее это было какое-то постепенное осознание, когда я ловил себя на мысли, что всё больше и больше думаю о человеке. Я могу предположить, что если бы она была на воле, то у нас всё равно бы начались отношения, только раньше.

«Нужно узнать друг друга»

Сейчас Юрий живёт в съёмной комнате, работает в ювелирном онлайн-магазине: подтверждает заказы, отвечает на вопросы покупателей. Он уже не считает себя панком, а скорее «мультисубкультурным» человеком: «Я себя не причисляю к конкретной субкультуре, но за многие достаточно хорошо шарю». Он не любит свою фамилию и саму концепцию того, что у людей в принципе должны быть фамилии.

— Я всё время живу под своим ником, под которым меня знает мой круг общения. А моё паспортное имя — для государства, мусоров и для тех, кто платит мне зарплату, — говорит Юрий.

Отношения на расстоянии он воспринимает «стоически»:

— Иногда, конечно же, возникают моменты, что я такой думаю: «Ну вот, блин, ещё столько времени». Но толку над этим заморачиваться?

Финансово Юрий Диане практически не помогает — передачи для неё собирают родители. Он звонит ей на стационарный телефон колонии почти каждый день. Мобильного у Дианы [нет](#).

Возможность выйти по УДО для Дианы наступит через три года. Юрий считает, что это время — возможность присмотреться друг к другу.

— Я не считаю, что, когда начинаются отношения, люди обязательно должны сразу съехаться. Такого быть не должно. Нужно узнать друг друга. В течение трёх лет будем видаться только раз в два месяца. А как живут вахтовики? Как живут моряки, дальнбойщики? Как живут полярники? В их жизни ведь тоже присутствует длительное ожидание, — размышляет он.

На вопрос, уверен ли он в этих отношениях, Юрий отвечает:

— Ну, за себя я уверен, за другого человека не могу отвечать. Но сегодня жить мыслью, что вдруг через три года будет плохо, — это испортить себе сегодня. Через три года может начаться ядерная война — и нас просто уже не будет.